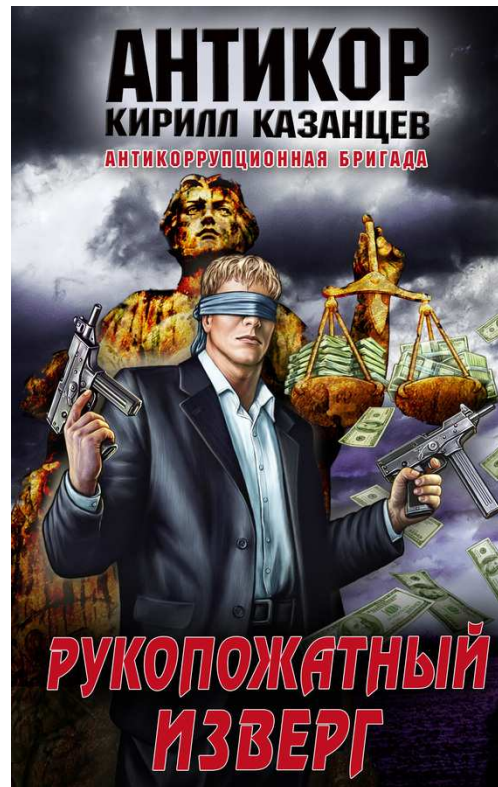

Кирилл Казанцев
Рукопожатный изверг
Серия «Антикор»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958262
Рукопожатный изверг: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61666-4

Аннотация

По заданию группы олигархов Министерство юстиции начинает охоту на антикоррупционную бригаду генерала Дугина. Руководит операцией начальник отдела по борьбе с экстремизмом Марат Митяев – беспринципный карьерист, готовый исполнить любой, даже преступный, приказ руководства. Первым делом Митяев натравливает своих «ищеек» на тех, кто время от времени помогает сотрудникам «Антикора». Их запугивают, из них выбивают показания, а автомеханика Василия Горского вообще запытывают до смерти. И тогда генерал Дугин приказывает своему лучшему бойцу Андрею Ларину остановить Митяева...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Казанцев

Рукопожатный изверг

Глава 1

Лифт, скрипнув, остановился на семнадцатом этаже жилого дома, двери плавно разошлись. Невысокая черноволосая женщина пропустила впереди себя мальчика лет пяти и щелкнула застежкой ридикюля.

– Чем тебя в садике кормили? – поинтересовалась она, доставая ключи.

– Карто-ошкой, – сын с интересом взглянул на взъерошенную кошку, метнувшуюся от мусоропровода.

– И все?

– И еще соси-иской... А потом были сладкие булочки и компо-от...

– Если дома поешь супа, я дам тебе кое-что очень вкусное, – пообещала мать, продолжая возиться с ридикюлем.

– Я не хочу су-упа, я сразу хочу вку-усное! – улыбнулся ребенок.

Ключи запутались в скомканном носовом платке. Женщина вытянула их за потертый плетеный ремешок, отперла нижний замок, потом верхний. Она уже взялась за дверную ручку, когда за спиной ее раздался голос:

– Лидия Федоровна?

Женщина обернулась. С верхней площадки к ней направлялись двое крепких мужчин в кожаных куртках. Снизу поднимался еще один – невысокий брюнет в сером плаще и в шляпе, с худым подвижным лицом.

– Лидия Федоровна Погорелова, – произнес брюнет подчеркнуто официальным тоном, – вы арестованы.

Лидия Федоровна уже успела открыть дверь. Втолкнув в квартиру сына, она неожиданно для всех не стала уточнять, за что именно арестована, а быстренько юркнула в квартиру следом за ребенком. Мужчины в кожанках бросились следом, но не успели – дверь с треском захлопнулась прямо перед ними.

– Ну вы и говноеды! – нервно отреагировал брюнет. – Внизу надо было брать, в подъезде, как сразу и договаривались!

Квартирная дверь была массивной, бронированной, с укрепленной коробкой и ригельными замками. Выглядела она совершенно неприступно. Брюнет с силой нажал на кнопку звонка.

– Лидия Федоровна, если вы нам немедленно не откроете, ваши действия будут квалифицированы как намеренное сопротивление властям! – властно крикнул он.

Из квартиры никто не отвечал.

– Вот сучка... – сплюнул в сердцах брюнет.

Атлеты в кожаных куртках виновато переглянулись.

– Игорь Владимирович, тут семнадцатый этаж, никуда не денется, – сказал один.

– Нам что – торчать под дверью, пока она с голоду не начнет пухнуть и ей приспичит в магазин? – просипел Игорь Владимирович.

– А если попытаться вскрыть дверь «болгаркой»? – предположил второй амбал.

Брюнет снял шляпу и нервно пригладил волосы.

– Так ищите! Участкового зовите, пусть по соседям пройдет... Ну, чего стоите, дебилы?! Быстро, быстро! Где участковый? Тут?

Необходимый инструмент отыскиали у кого-то из соседей. Правда, с бронированной дверью пришлось повозиться: ни участковый, ни атлеты в кожанках не умели управляться с «болгаркой». Пришлось вызывать слесаря, который и вскрыл квартирную дверь только через полчаса.

Игорь Владимирович и сопровождавшие его мужчины ворвались внутрь. Хозяйка как ни в чем не бывало сидела на кухне и кормила сына супом. При виде незваных гостей она пугливо вжала голову в плечи, однако нашла в себе силы сказать:

– Я уже полицию вызвала! Сейчас будет здесь...

– Можно было не вызывать, она уже тут, – Игорь Владимирович обернулся в сторону прихожей. – Участковый! Але, ну где ты там? Подойди-ка и покажись гражданине...

Как ни странно, но появление участкового, да еще в форме, несколько успокоило Лидию Федоровну. Пробежав глазами по его служебному удостоверению, она поставила суповую тарелку в мойку и вопросительно взглянула на штатских.

– А вы вообще кто такие?

– Вопросы будем задавать мы, – Игорь Владимирович жестом отослал участкового на лестничную площадку. – Итак, Лидия Федоровна Погорелова, 1972 года рождения, уроженка Яхромы, работающая старшей медсестрой в травматологическом отделении семнадцатой поликлиники города Москвы. Все правильно?

– Ну да...

Игорь Владимирович протянул женщине фотоснимок мужчины средних лет. Острые скулы, серые глаза, волевой подбородок...

– Вы никогда не сталкивались с этим человеком?

Хозяйка квартиры, с трудом сдерживая дрожь в руках, взяла фотографию и поднесла ее к глазам.

– Да нет вроде бы...

– Может, по долгу службы? В травмпункте, например? Может, обращался за помощью? Вспоминайте, вспоминайте!

– Да разве всех наших пациентов упомнишь?! У нас их столько за смену бывает! – Лидия Федоровна явно не понимала, чего от нее хотят.

– Тогда скажу я, – Игорь Владимирович недобро прищурился. – Этого человека зовут Андрей Ларин. И это опасный преступник, вот уже несколько лет находящийся в федеральном розыске. Полтора месяца назад вы делали ему перевязку после проникающего огнестрельного ранения. Ранение, насколько нам известно, было несерьезным, просто царапина. Однако, согласно закону, вы все равно были обязаны немедленно сообщить об огнестреле в правоохранительные органы. Почему вы этого не сделали?

– Да что вы... – От растерянности хозяйка взяла салфетку и принялась вытирать и без того чистые руки. – Не знаю я никакого Ларина. И вообще...

И тут Игорь Владимирович неожиданно заорал:

– Не зна-ае-ешь? Сейчас, сука, ты нам все скажешь!

Маленький сын хозяйки взглянул на незнакомого дядю удивленно и тут же тоненько заплакал. Один из сопровождавших Игоря Владимировича тут же схватил его за руку и поволок в соседнюю комнату.

– Куда-а-а! – закричала Лидия Федоровна, да так громко, что задрожали стеклянные дверки кухонного шкафчика. – Сволочи! Гестаповцы! Ребенка хоть в покое оставьте!

Мать уже намеревалась выбежать из кухни, однако второй амбал в кожанке схватил ее за шею и силой усадил на табуретку, положив ей на плечи огромные руки. Лидия Федоровна попыталась вырваться, однако амбал со всей силы ударил ее ботинком по щиколотке. Женщина застонала, попыталась было схватиться за ушибленную ногу, но амбал зажал ее волосы в кулак, заставив поднять голову.

– Значит, так. Или ты сейчас рассказываешь все, что мы от тебя потребуем, или твой малолетний говнюк... – Игорь Владимирович многозначительно посмотрел в сторону прихожей, где в отчаянном реве заходилась сын. – Все поняла или по-другому объяснить?..

...Спустя пятнадцать минут Лидию Федоровну выводили из подъезда к микроавтобусу с затемненными стеклами. Руки женщины были заведены назад, их сковывали наручники. Выглядела она совершенно убито. Игорь Владимирович, проводив ее равнодушным взглядом, извлек из кармана рацию.

– Второй, это я, пятый, – представился он. – Арест медсестры оформили, везем ее в СИЗО «Текстильщики». Нет, Ларина пока не сдала и, видимо, действительно ничего о нем не знает. Работаем дальше...

* * *

Над елями висела желтая луна, освещая крыши дачного поселка. Ночной ветер шумел в соснах – хвойный лес подступал к поселку вплотную. В крайнем домике по-домашнему уютно светились окна. Полыхающий в комнате камин отбрасывал блики на пол и стены.

– И чего это ты в середине лета решил камин затопить? – худенькая девушка с печальными глазами ласково взглянула на плотного молодого мужчину с усталым лицом и натруженными руками.

– Для романтики, Светик, для романтики! – Мужчина вышел во двор и вскоре вернулся, держа в руках охапку вкусно пахнущих сосновых поленьев.

– На работе тебе, Василек, явно романтики недостает, – Светлана сдержанно улыбнулась. – Не надоело еще чужие машины чинить?

– Зато своя работает, как часы, – Василий, приподнявшись, заглянул в окно – серый мини-вэн стоял у забора. – Не было бы машины – не было бы у нас таких романтических выходов...

– А твоя мама знает, что ты на даче именно со мной? – с заметным напряжением поинтересовалась девушка.

– Папа знает точно, я его предупредил. И, кстати, ничего против наших встреч не имеет, наоборот – мол, жениться тебе пора, сынок. И вообще, ты ему понравилась. А вот мама пока еще ничего не знает.

– То есть у вас в семье все мама решает, – в голосе Светланы послышалось едва различимое волнение. – А когда ты меня с ней познакомишь?

– Всему свое время, – Василий подбросил несколько поленьев в камин.

Гулко трещали сучья, в камине осыпались искры. Пронзительно-голубые огоньки плясали на свежераспиленных дровах. Ветер посвистывал в каминной трубе. За лесом прогремела далекая электричка.

– Слушай, и как это я мог забыть! – молодой человек виновато улыбнулся. – Я же с собой красное вино захватил, мне один клиент презентовал, я в его тачке коробку передач отремонтировал... А давай глинтвейн сделаем, как ты любишь!

– Так, для глинтвейна много всего надо, – оживилась Светлана и принялась перечислять: – Мед, корица, лимон... А магазина тут нет. Может, просто вина выпьем? Не надо экспромтов!

– Найдем и мед, и корицу, – Василий загадочно улыбнулся. – Будем считать, что к этому романтическому экспромту я хорошенько подготовился.

Спустя полчаса глинтвейн был сварен, остужен и разлит по керамическим чашкам. Хозяин дачи принес из машины коробку шоколадных конфет, разложил их на самодельном столике и поднял бокал.

– Ну что, Света... За все хорошее!

– За нас с тобой! – улыбнулась Светлана и тут же спохватилась: – А вообще, Василек, тебе же спиртного нельзя... С твоим-то больным сердцем!

– Глинтвейн как раз можно, сосуды расширяет...

Неожиданно за окном послышался звук автомобильного двигателя. Молодые люди не придали этому значения: дачный кооператив располагался неподалеку от Москвы, и народ нередко приезжал сюда даже за полночь. Спустя минуту, однако, скрипнула калитка, и Василий выплянул в окно.

По двору, направляясь к двери, шли трое: двое крепких мужчин в кожаных куртках и невысокий брюнет в сером плаще и шляпе. Сзади плелся заспанный участковый из ближайшей деревни.

– Это еще что? – не поняла Светлана.

– Видимо, опять у соседей дачу обокрали! – Вася отставил недопитый бокал и двинулся в прихожую. – Наверное, будут опрашивать, не видали ли мы чего...

Он долго возился с замком, а когда открыл дверь, страшной силы удар в лицо отбросил его назад – мужчина завалился на спину и на мгновение потерял сознание.

– Вставай, урод! – Один из амбалов в кожанке схватил его под мышки, с силой встряхнул и поставил на ноги.

– Вы... кто? – Хозяин дачи вытер разбитую губу и сплюнул на пол половинку зуба.

– Вопросы тут задаем мы! – Мужчина в сером плаще прошел в комнату, взглянул на сервированный столик, затем – на девушку.

Василий уставился на участкового. Он неплохо знал его, даже один раз выпивали вместе. Полицейский виновато отвел глаза – мол, я человек маленький, подневольный, у меня приказ...

– Значит, ты – Горский Василий Николаевич, 1986 года рождения, – мужчина в сером плаще уселся на стул, закинув ногу на ногу. – Работаешь на станции техобслуживания, что на Можайском шоссе, автомехаником.

– Ну да... – Горский выглядел очень растерянно и даже испуганно. – Может, все-таки скажете мне, кто вы такие?

– Еще узнаешь, кто мы. Потом, в следственном изоляторе, – зловеще пообещал говоривший, достал из кармана фотоснимки и разложил на столе. – Узнаешь, кто это?

– Нет... – растерянно произнес хозяин дачи, едва взглянув на фотографию мужчины средних лет, с острыми скулами, серыми глазами и волевым подбородком.

– В глаза, в глаза мне смотри! Ну? По глазам вижу, что узнаешь! Зовут этого типа Андрей Ларин. Опаснейший преступник, вот уже несколько лет находится в федеральном розыске, на нем половина Уголовного кодекса висит. А ты на своей станции делал ему фальшивые автомобильные номера, нам это точно известно!

– Да я вообще-то по коробкам-автоматам специализируюсь! – возмутился Василий, вытирая разбитую губу. – Не делал я никаких номеров!

– И нас очень интересует, – как ни в чем не бывало продолжал мужчина в сером плаще, – как именно он с тобой выходил на связь. По телефону, через Интернет или еще как-нибудь? Говори, урод!

И тут подала голос забытая всеми девушка. Все это время она сидела, забившись в угол, и явно не понимала сути происходящего.

– Может, вы бы не выражались при мне? – попросила она, нервно поправив прядь волос. – И вообще – вы кто и что тут делаете?

– О, какой бабе-ец! – недобро ухмыльнулся мужчина в сером плаще. – Какие мы нежные... Что – никогда слов таких не слышала, да? А сюда на ночь глядя со своим мужиком приехала винца попить да по лесу погулять?

– Игорь Владимирович, а давайте мы с ней беседу проведем, чисто по-дружески, – с кривой улыбкой предложил один из визитеров в кожанке.

– А что – тоже мысль. Внуши ей поглубже да посильней... Да так, чтобы ее мужик слышал. Сейчас он все скажет!

Амбалы, подхватив девушку, поволокли ее в соседнюю комнату. Та истошно закричала и забилась в руках мужчин.

– Значит, так, – Игорь Владимирович взял Горского за подбородок. – Пока мои пацаны твою бабу во все дыры не трахнули – колись! Все, что об этом Ларине знаешь: где вы с ним познакомились, при каких обстоятельствах, кто еще знает о вашем знакомстве, как поддерживаете с ним связь, он сам на тебя выходит, когда надо... или еще как-то. Ну?..

...Спустя пятнадцать минут Василия Горского выводили из домика к микроавтобусу с затемненными стеклами. Руки его сковывали наручники. Из дачного домика доносились тоненькие всхлипывания:

– Сволочи, гады! Ненавижу вас все-е-ех...

Игорь Владимирович, не реагируя на проклятья, встал под навес и достал рацию.

– Второй, второй, я пятый, – бросил он отрывисто. – Все, и этого слесаря закрыли. Нет, Ларина еще не сдал, но, видимо, что-то ему о нем известно, потому что в подделке номеров признался. Отвезем в «матроску», в спецкорпус, там его допросят по жесткому варианту. Все, работаем по Ларину дальше...

* * *

Сидящие в луже голуби, потревоженные проехавшим грузовиком, шумно захлопав крыльями, закружили над входом на рынок. Андрей Ларин инстинктивно шагнул в сторону и поспешил внутрь огромного павильона с застекленными окнами.

Торговля на утреннем рынке была в самом разгаре. Прилавки радовали глаз свежей зеленью, краснобокими помидорами и упругими огурчиками, неуловимо похожими на маленьких крокодилов. Ларин неторопливо прошелся сквозь овощные ряды и оказался у рыбных, где у него была назначена короткая конспиративная встреча.

Неожиданно он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. За ним явно следили. Кто именно, определить было невозможно – ведь следили наверняка из толпы. Андрей осторожно осмотрелся. Ничего подозрительного: толстая тетка с клетчатой сумкой, двое пожилых кавказцев, грузчик с тележкой, похмельного вида мужички... Ларин уже было укорил себя за излишнюю мнительность, однако тут же вновь ощутил на себе внимательный взгляд.

И тут же определил, кто за ним следит: из-за соседнего прилавка на него смотрел угрюмый амбал в кожаной куртке. Это не могло быть банальной паранойей: за последние годы Ларин выработал в себе настоящий инстинкт, который позволял мгновенно различать обычный взгляд от пристального и следящего. А это означало: оставаться тут и ожидать нужного человека – значит, подвергать риску не только себя одного.

Андрей, не глядя в сторону амбала, сделал вид, что осматривает разложенную на прилавке рыбу. Он даже приценился к свежему судаку и, дав понять, что находит цену завышенной, неторопливо пошел к выходу, спиной ощущая взгляд амбала. Уже выходя с рынка, Ларин заметил в отражении стеклянной двери, что мужчина в кожанке следует за ним.

Московская базарная окраина жила обычной субботней жизнью. Ветер носил по грязному асфальту обрывки бумаг, пластиковые пакеты и прочий мусор. Пожилые тетки торговали вязаными носками и самодельными тапочками. Стайка цыганок цеплялась к прохожим с предложением погадать. Из динамиков, прикрепленных к ближайшему киоску, доносился «Владимирский централ».

До метро было всего ничего – метров пятьдесят. Однако соваться в подземку было глупо: уж где-где, а там задержать кого угодно – раз плюнуть. Достаточно одного человека внизу эскалатора, второго – наверху. И все, пиши пропало: ведь даже самый тренированный боец не сумеет справиться с противником на движущихся ступенях.

Стало быть, следовало отрываться в другом месте. Да так, чтобы при этом не показать амбалу в кожанке, что он засек слежку.

Андрей знал: неподалеку от рынка есть склады – огромный лабиринт приземистых строений, каждое из которых было огорожено забором. За складами проходит железнодорожная ветка, по которой часто ходят электрички. Если повезет, можно заскочить в вагон, проехать несколько остановок и выйти где-нибудь за городом, где всегда можно скрыться в лесу.

А дальше...

Только недалекие люди строят далекоидущие планы. Разумный человек, да еще в такой ситуации, думает только о самом ближайшем будущем.

Остановившись, Ларин достал мобильник и на всякий случай отключил – теперь его передвижения нельзя будет отследить через связь. Непонятно, кто именно его преследует, откуда преследователи узнали о встрече у рыбных рядов и что им вообще нужно.

До складов он дошел без приключений. Ларин двигался сквозь толпу, стараясь не привлекать к себе внимания. Однако инстинкт опытного бойца подсказывал: преследователь где-то совсем рядом. И причем наверняка не один.

Пройдя вдоль унылого бетонного забора, испещренного граффити и нецензурными надписями, Андрей свернул за угол и бросился бежать. И тут едва не пропустил удар в голову: плотный мужчина, явно поджидавший его в этом месте, целил ему кулаком прямо в ухо. Ларин, заметив опасность периферийным зрением, успел-таки в самый последний момент увернуться. Кулак просвистел в миллиметре от его скулы, рукав бывшего больно хлестнул по лицу, и Андрей, мгновенно отскочивший в сторону, ударил неизвестного ногой в живот. Тот с хрипом отлетел прямо на забор, но Ларин не стал его добивать, а помчался по аллейке между заборами.

Железнодорожная платформа была неподалеку – в каких-то ста метрах. Ларин бежал, не оглядываясь. Обострившийся слух различал топот ботинок за спиной, однако сколько было преследователей и как далеко они находились, Андрей не знал – оборачиваться не было времени.

Поворот, еще один поворот, ржавая металлическая ограда, несколько гаражей, вновь поворот и, неожиданно, глухой тупик. Проход к железной дороге преграждал кирпичный забор, возведенный, видимо, совсем недавно. Времени на размышления не было – Андрей, не оборачиваясь, перемахнул через забор и, пробежав сквозь чахлый кустарник, оказался рядом с железной дорогой.

Пассажирская платформа была пуста: видимо, электричка отошла несколько минут назад. За ней стоял длиннющий грузовой состав: пузатые мазутные цистерны, желтые рефрижераторы, «клетки» для перевозки автомобилей, темно-бордовые товарные вагоны...

И тут из-за спины послышалось властное:

– Стоять!

Андрей невольно замедлил бег и повернул голову. Тот самый амбал, от кулака которого он так удачно увернулся, был совсем рядом. Ларин, не реагируя на окрик, побежал по насыпи в сторону грузового состава. Из-под подошв летел гравий, ноги предательски скользили по рельсам, но преследуемый знал: если удастся оторваться и поднырнуть под вагоны, уйти будет гораздо проще. Ведь на железнодорожной развязке всегда есть множество укромных уголков!

Андрей юркнул под ближайший товарный вагон и тут же ощутил крупную металлическую вибрацию. Заскрежетало железо буферов, и поезд неожиданно тронулся. Однако Ларин успел-таки выскочить с противоположной стороны. Состав медленно отходил, и беглец принял единственно правильное решение: ухватившись за выступающую металлическую скобу, он каким-то чудом успел вскочить в открытую дверь товарняка...

Внутри пахло свежими древесными опилками, прелой соломой и немного навозом – видимо, в этом вагоне недавно перевозили скот. Андрей прильнул к дощатой стене – как раз с той стороны, где он оставил преследователя, однако рассмотреть амбала в кожанке ему не удалось.

Состав постепенно набирал ход. Ритмично стучали колеса, светофоры безразлично мерцали впереди. Незаметно промелькнули бетонные московские окраины, поезд прогрохотал по стальным пролетам моста, и вскоре урбанистический пейзаж сменился унылыми полями и редколесьем.

Андрей, наконец, немного успокоился. Теперь предстояло решить, что делать дальше. Наилучшим вариантом представлялось следующее: не дожидаясь, когда состав остановится, прыгнуть на каком-нибудь повороте, где поезд обязательно замедлит ход. Ведь преследователи наверняка уже «пробили» маршрут товарного состава, а также все его возможные остановки. Это, в свою очередь, означало, что на первой же товарной станции состав могут загнать в загодя оцепленный тупик. А уж из такой мышеловки выбраться будет невозможно.

Так что у Ларина был только один вариант: покинуть вагон по пути движения и как можно быстрее связаться со своим куратором, Павлом Игнатьевичем Дугиным, чтобы информировать его о происшествии. Телефоном пользоваться было нельзя, однако на случай экстренной связи у Андрея были предусмотрены запасные варианты...

Глава 2

– Вот и получается, что тебе повезло, а им – не очень, – немолодой мужчина с мясистым лицом открыл холодильник, достав початую бутылку в морозной патине. – Тебе просто водки... или как обычно?

– Как обычно, то есть с морковным соком, Павел Игнатьевич, – Андрей Ларин отдернул плотную шторку.

На улице лило как из ведра. Струи с карнизов приплясывали за окнами, делая пейзаж размытым, словно нарисованным акварельными красками. Снаружи по подоконнику уныло барабанили капли дождя, в саду шелестели влажные липы.

Здесь, на конспиративной даче в Подмоскowie, Ларин чувствовал себя в полнейшей безопасности. Добрался он сюда без каких-либо приключений: как и планировал, удачно выпрыгнул из вагона на повороте, связался по резервному каналу с Дугиным и, получив соответствующие инструкции, несколько часов прятался в лесополосе неподалеку от железной дороги, дожидаясь высланную машину...

– Вот, сок отдельно, водка отдельно, все как ты любишь, – Павел Игнатьевич поставил на стол рюмку, бутылку и пакет сока в цветной упаковке.

– Спасибо... Да, извините, я так и не понял: кому именно не повезло? – Андрей принялся разводить водку ярко-оранжевым напитком.

– Людям, которые нам помогли, даже не подозревая, кто мы такие и чем занимаемся. Я о той медсестре, Лидии Федоровне Погореловой. И о пареньке со станции техобслуживания. Последнему повезло меньше всех: прямо с дачи его отвезли на «спец» в «Матросскую Тишину», где принялись допрашивать по жесткому сценарию. А у того ишемическая болезнь сердца, вот и не выдержало... Инсульт, кома, через сутки он умер. Оформили как обычно: острая сердечная недостаточность, никто не виноват.

– А медсестра? – прищурился Ларин, тщательно смешивая морковный сок с водкой.

– Сейчас в СИЗО «Текстильщики». Что с ней и как – пока неизвестно. Хотели аккуратно организовать ей нашего адвоката – пока не получается.

– Жаль того слесаря... – вздохнул Ларин.

Павел Игнатьевич налил себе сухого вина и выразительно взглянул на собеседника:

– За светлую память Васи Горского...

– Земля ему пухом, – Андрей выпил залпом.

– Его уже все равно не вернуть. Надо сражаться за медсестру.

– Что ей инкриминируют? – поинтересовался Ларин.

– Пока неясно, – Павел Игнатьевич взглянул в окно, за которым по-прежнему хлестал дождь. – Официальное обвинение – «недонесение». Ну, помнишь, она тебе когда-то переправку делала, вот и должна была сигнализировать об огнестрельном ранении. Не донесла, за что ей отдельное спасибо. Доказательная база на нее куцая. Свидетелей никаких, документов никаких, и вообще на нее ничего нету. Но повесить на нее могут все, что угодно: от людоедства до шпионажа в пользу Гондураса.

– Кто же занимается этими арестами?

– Отдел по борьбе с экстремизмом Минюста.

– Так ведь такой и в Следственном комитете есть, и в ФСБ, кажется...

– И в Минюсте тоже. Они там на экстремизме буквально все помешались, – Павел Игнатьевич отставил пустой бокал. – А если экстремизм в моде у Следственного комитета и на Лубянке, то соответствующие отделы по борьбе с ним должны быть везде, даже, наверное, в МЧС и в Министерстве культуры.

– Какой же экстремист из скромной медсестры? – хмыкнул Андрей. – И вообще – у нее маленький ребенок, насколько я помню. Могли бы и пожалеть. А в экстремисты назначить кого-нибудь другого. Что – мало кандидатур?

– Смысл существования всех этих МВД, ФСБ, Минюстов и прочих – сохранение стабильности существующего режима, всех этих властных кланов. То есть возможности стабильно грабить, насиловать и обманывать людей, – Павел Игнатьевич недобро хмыкнул. – Людей, конечно, им тоже жалко. Как жаль каких-нибудь голодающих Экваториальной Гвинеи. То есть абстрактно. А те, кого они ежедневно видят из окон своих лимузинов, для них всего лишь биомасса, сброд. Быдло, считающее рваные рубли на дешевую водку... И вспоминают о нем лишь за несколько месяцев до выборов, когда этих людей неожиданно начинают называть «дорогими россиянами», внушая им мысль о собственной значимости. А если это быдло внезапно поднимает голову или хотя бы задается классическим вопросом «тварь я дрожащая или право имею?», то на него, как на дохлую собаку, вешают статью «экстремизм».

– В цивилизованных странах дело Лидии Федоровны и покойного Горского решал бы суд, – резюмировал Ларин.

– В том-то и дело, что в цивилизованных... Ладно, Андрей, – Павел Игнатьевич достал нетбук. – Догадываешься, чем мы будем заниматься теперь?

– Почти.

– Тогда внимательно смотри, слушай и запоминай...

* * *

Глядя на Павла Игнатьевича Дугина, невозможно было себе и представить, что он возглавляет ни много ни мало мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру. В отличие от большинства подобных организаций она не ставила перед собой цель свержения действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составляли честные офицеры силовых структур, которые еще не забыли такие старомодные понятия, как порядочность, совесть, присяга и интересы державы. Однако одиночка, сколь благороден он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более, коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную плату. Коррупция в России – это стиль жизни...

Начиналось все несколько лет назад, как обычно, с самого малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, влиятельный силовик Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще и еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая за подкладку шифровка, надписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие ее членов. Доверительные отношения между заговорщиками возникли сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально – та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продаж-

ность судов и, самое главное, низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее ярких коррупционеров. Точечные удары вызывали у тех естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти самоубийства далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, таком «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, причем не только в Москве, но и на периферии. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим поводом для страха, чем сами акции.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал один лишь Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – как известно, у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему оттуда не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль такого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного опыта Андрею было не занимать. Он умел быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до полномочного представителя президента – тоже. Профессиональные навыки, естественно, были на высоте. Все, причастные к тайной антикоррупционной структуре, проходили занятия по стрельбе, спецвождению, безопасности в Интернете и даже прикладной химии...

Однако навыки навыками, но бывают ситуации, когда ни один даже самый подготовленный боец не может обойтись без помощи других людей. Иными словами – без мелких агентов, которых конспиративная организация использовала «втемную», не посвящая в свои планы и замыслы. Дежурная на гостиничном ресепшене, которая при случае могла представить тому же Ларину номер безо всяких документов, оператор полицейской системы видеонаблюдения, согласившаяся безвозмездно сделать копию видеодиска, риелтор, «пробивший» историю той или иной квартиры...

Вот и получалось, что тотальная российская коррупция, приняв вызов Антикора, сумела вычислить лишь самые мелкие звенья его структуры – медсестру Погорелову и автомеханика Горского. Эти люди в свое время действительно помогли Андрею. Так что теперь, после смерти второго, вся тяжесть давления, словно бетонная плита, ложилась на Лидию Федоровну...

Со слов Дугина выходило, что сражаться теперь следовало не столько за медсестру, этого «маленького человека», попавшего под безжалостный пресс Минюста, а за саму идею справедливости.

И Ларину, как это часто бывало, отводилась в этой борьбе едва ли не главная роль...

* * *

– ...так что пока об этом Отделе по борьбе с экстремизмом нам известно немного, – попыток Павел Игнатьевич, опуская крышку нетбука. – То есть – почти ничего. Но можно предположить, что для силовых акций они используют спецназовцев из Федеральной службы исполнения наказаний. То есть людей, натренированных на подавление бунтов в тюрьмах и зонах. А также на поиски сбежавших уголовников.

– Интересный, однако, выбор, – пожал плечами Ларин. – То есть тех, кто еще сохранил чувство собственного достоинства, приравнивают к сбежавшим уголовникам?!

– К экстремистам, – напомнил «правила игры» Павел Игнатьевич. – Ладно, есть у меня одна мысль. Ты того мужчину в кожаной куртке хорошо запомнил?

– Я его на рынке срисовал. Время было – рассмотрел как следует. А вот второго, который хотел меня у забора на складах завалить, куда хуже. Сами понимаете, убежал, не до того было...

– Фоторобот составить сумеешь?

– Обижаете, Павел Игнатьевич, – хмыкнул Андрей. – Я ведь все-таки бывший оперативник ОБОПа! Столько лет этим занимался!

– Вот и займись этим прямо с завтрашнего утра.

– Сколько у меня времени?

– Как говорится – «время вышло вчера». У меня тут есть выход и к картотеке Минюста, и к некоторым другим базам данных. Прогоним твой фоторобот через компьютерную программу – а вдруг повезет?

– То есть, вычислив этого мужика в кожанке, по сути – мелкую сошку, мы выйдем на тех, кто «экстремизмом» и занимается.

– Вот именно.

Ларин вылил в стакан остатки водки, плеснул морковного сока.

– Допустим, тот тип, от которого я убежал, действительно оперативник из «исполнения наказаний». Публику эту я знаю достаточно хорошо и вот что скажу: накопать на такого опера компромата – дело плевое. Любовницы, коррупция, алкоголизм, даже наркомания. А там и вербовочная ситуация, и все остальное.

– Вот тебе и придется всем этим заниматься, – подытожил Павел Игнатьевич.